

Михаил Буканов

Хочешь — жни,
а хочешь — куй,
всё равно
получишь!

Поэзия

Михаил Буканов

Хочешь – жни, а хочешь – куй, всё равно получишь! Поэзия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24716020

ISBN 9785448542459

Аннотация

Уважаемый читатель, панове и граждане, дамы и паненки, а также господа из мира мне лично недоступного, то есть, прозаики и поэты! Тут всё для вас. С Божьей помощью приступим. И, как говорят мои нынешние сограждане, наслаждайтесь!

Содержание

Сон гнома	7
Птицы	9
Оно того стоит?	11
Танька	13
Вёдра	15
Купец	17
Мечта идиота	20
Любимая, меня вы не любили!	22
Русалка и водолаз	24
Замена	26
Не трожь, сука	28
Снег в Иерусалиме	30
Подражание Розенбауму	32
Украинская песня	34
Письмо	36
Змей	38
Инь и Янь	42
Конь	44
Клоуны	46
Старая сказка	48
Наука история	50
Запой	52
Нечаянная встреча со свободой	53

Лягушка и заяц (Басня)	54
Парень из Диканьки	56
Леприкан	58
Истина нужна?	60
Богиня	62
Гражданская	64
Невенчаннные	66
Смерть	68
Печальная песенка	70
Финская	71
Баба Яга	72
Непобедимая	73
Третий	74
Тайфун	75
Помошник	77
Кондом и Кот	79
Торпедный катер	81
Алёшенька	83
Однокласники	84
Лошадь	85
Мировая первая	87
Егерь	89
В музее	92
Товарищу Гору Ал! Альберт, Адольф, Александр?	94
Змеюка двуполая	96

Вечерами	98
Объективная реальность	100
Выбор	102
Первое свидание	103
Конец ознакомительного фрагмента.	104

**Хочешь – жни, а хочешь –
куй, всё равно получишь!
Поэзия**

Михаил Буканов

© Михаил Буканов, 2017

ISBN 978-5-4485-4245-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сон гнома

Раз домой вернулся гном и решил забыться сном.
Завалился он в кровать, ну её полировать,
Весь разнежился во сне, как котятра по весне.
Сладко спит и видит сны, что прозрачны и ясны.

То-то сон его хорош, гномик спит, его не трож.
Чистота вокруг, уют, сны проснуться не дают.
Увлекают в глубину, в сказок манят старину.
Колыбельную поют, и вокруг него снуют.

На контрасте-перемена, зазвучала вдруг сирена,
Голос грубый завопил, ты зачем кайло пропил?
Тут отец один сердится, дочь не может породниться,
Не решается никак совершить законный брак.

Ты же гном, не человек, не понятно ей вовек,
Что родится от тебя, коли ей отдать себя!
Сунул, вынул и бежать? Тут тебя не удержать.
А она сиди одна, в злой позор погружена.

И, ваще, скажи, злодей, как ты мучаешь людей?
Сколько крови на ночь пьёшь, как ты малых деток бьёшь?
Хулиганишь в кабаках, оставляешь в дураках?
Кайся быстро, хитрый блуд, ждёт тебя жестокий суд!

Гном как встрёпанный вскочил, штольню чуть не обмочил.

От великого испуга приключилась докука.

Сердце бьётся, пот холодный, дикий ужас однородный.

Стук в висках, в костях ломота, не мужик, а так, голота!

Вот приснится же такое, не оставил чёрт в покое.

У него и дома нет, дом его – весь белый свет.

А на нынешней работе, спит наш гном в подземном гроте.

И ему не нужен дом, ни со спальней, ни с котом,

По ошибке видно сон посетил трудягу.

И на штрипках от кальсон замотался в шнягу.

Заморочил, просто сбил с толку, с панталыка.

Гном теперь всюду запил, и, не вяжет лыка!

Птицы

Птицы три кружатся надо мною,
Старость застилает пеленою,
Сирин, Алконост и Гамаюн.
Был седой старик когда-то юн.
Тратили мы, жизни не жалея,
Капли драгоценного еля.
На подруг любовь и на друзей,
Тех, что лучше за х**, и в музей!
Враг тебя никак предать не может.
Лучший друг врагу легко поможет.
Ну, а захотят тебя убрать,
Друг вражину выставит на рать!
Есть ещё золотая середина,
Это от неё и толковина.
Палачам кричат «распни его!»
Нет для них пророка своего.
Женщина в беде тебя не бросит,
И любовь всю жизнь под сердцем носит.
Даже если сильно обижать,
И к другой по вечерам бежать.
Только вот беда. У них в раскладе,
Ревность обретается в засаде.
Любит, приревнует, ненавидит.
Ревность ничего вокруг не видит.

И тогда желанье отомстить,
Может женский разум замутить.
Не нашёл я камень Алатырь,
Так как не из сказки богатырь.
В юности я видел две дороги,
Два пути открылись на пороге.
Вёл один к неслыханному счастью,
А другой к старенью и ненастью.
Счастьем было рано умереть,
А другим всю жизнь в огне гореть!
Я дорогой этой проканал,
Жилы рвал, не плакал, не стонал.
И теперь, с земным почти порвав,
Думаю, что в выборе был прав.

Оно того стоит?

Подставь другую, я ударю, и люд покорно шёл к исходу.
И на Урале государю ревтрибунал не нёс свободу.
Матросы беляков топили, что не ушли в отступ из Крыма,
Крестьян Тамбовщины травили неистово, неутомимо.

За отступление с поля боя под децимации косило.
От слёз и матерного воя Россию всю перекосило.
Потом, на этой вот опоре, чего-то там про НЭП мутили.
Рождали истины во споре, вовсю цитатами светили.

И, в результате, Рай создали, здесь, на земле, и для себя!
А остальные созидали, Отчизну разом возлюбя!
Пусть за гроши, под пулемёты, да только сгинуть нет
охоты.
Потом привыкли и смирились, и дни смертельные
забылись.

Куда-то скрылись идеалы, другие ценности на смену.
Где были ромбы, там овалы, и режиссёр меняет сцену.
Что было чёрным, ныне буро, вожди ведут к желанной
цели.
Махрово расцвела культура, всем перемены надоели.

А тот, кто перемен хотел, теперь остался не у дел.

И сгинул в бездне лихолетья в огне двадцатого столетия!

Жовто-блакитный друг народа, чудак с промытыми мозгами,

«Свобода» спит у морга входа. Не будем вечно дураками.

Танька

Танька! Как под гитару пела ты!
Москва у ног твоих лежала,
А ты свободно гриф держала,
Вся в обаяньи простоты.

Звенели Воробьёвы горы,
С реки кораблик отзывался,
И под мостом от глаз скрывался.
Вёл ветер с речкой разговоры.

Обрыв над старою рекою,
Кресты церквушки по соседству,
Сродни и старости и детству,
Новорожденью и Покою.

Простое платьице из ситца,
Твоя точёная фигурка,
И ножик пьяного придурка
Что из кустов на нас косится.

Я не успел пошевелиться,
И мак расцвёл на ткани ситца.
Вот почему ночами снится,
Волос задорная косица.

Танька! С тех пор прошло не мало лет,
Танька! Тебя давно на свете нет.
Но я бессонными ночами,
Сижусь с гитарой пред свечами,
И жду, про нас с тобой играя,
Тебя с гитарой поминая!

Вёдра

Как-то ехали казаки мимо горки ледяной,
Месяц светит, снег искрится, лес в покое слюдяной.
А от старого колодца девка с вёдрами идёт,
И тропинка круто выётся, поскользнётся – упадёт.

Словно сглазили, упала, слышен вёдер перезвон,
Коромысло улетело, не дела, а страшный сон!
Говорит народа мудрость, коль ведёрочки пусты,
Неприятность приключится, ты, короче, жди беды.

Помогли казаки девке, прямо из снега и в седло,
За водой один смотался, вроде, даже, повезло.
Распрощались у порога, дом по пояс весь в снегу,
А один ей тихо шепчет, если смерти избегу,

И в атаках и в набегах сохранит меня судьба,
Да победой обернётся с иноземцами борьба,
И навеки прекратится эта страшная война
В том святым тебе клянуся, будешь ты моя жена!

Сколько времени промчалось, разноцветных зим и лет,
Только видно дорогого уж давно на свете нет.
Правда. Вёдра виноваты, накликали ей беду.
Знать, одной перебиваться, так бобылкой и уйду!

Только всё же из полона возвратился казачок,
Над приметой посмеялся славный свадебный смычок.
А казак и та казачка стали мужем и женой,
И живёт она за мужем, как за каменной стеной.

Купец

По Мойке или по Фонтанке летели маленькие санки,
Ямщик сидел в своём прикиде, зима, дома в обычном
виде.

Лежал под полостью медвежей, купец, что слыл большим
невежей.

Охальник, матершинник, враль, где он, и где мадам
мораль?

Загул купеческий был сладок, купец наш на нимфеток
падок,

Не телеса, а стройный стан, и тут завяжется роман.

И вот от знающей соседки, с которой встретился
в беседке,

Что б от прислуги утаить, о чём он будет говорить,

Он получает адресочек, где вожделенного кусочек,
Девушка есть в шестнадцать лет, такой не видел белый
свет!

Скромна, умна, и при фигуре, богиня юная в натуре.

И мама, лишь долги имея, готовит дочку для злодея.

Заплатит кто долги по счёту, и будет проявлять охоту,
К прелестной дочери её, утешит естество своё!

Получит юную гетеру, и сможет всё, не зная меру,

Но, только лишь в течение дня, семьи достоинство храня.

Вот дом желанный показался, купец, как мог, пока держался,

Что б не срамиться, не бежать, да и от страсти не дрожать!
Он в дверь стучит и быстро входит, его с ума желанье сводит,

Душа заочно влюблена, трепещет сердце, где она?

Под клавикордовы сонаты в дверях обеденной палаты,
Стояла юная Афина, и, на подносе, два графина.

А мама, дочери честь блюдя, в сторонке, словно, не блудя!
Всё очень чинно, благородно, вполне культурно и свободно.

Купец мамашу отзывает, а дочка в рюмки наливает
Настойки сладкой цвета мёда, богата русская природа!
Вот, передав по договору, всю сумму выплатив без спору,
Купец к прелестнице молодой идёт, играючи елдой.

Берёт с подноса два бокала, махнул и прынул на пол зала!
Кондрашка посетил его, достав любимца своего.
Тотчас за доктором послали, исправник нюхал, что в бокале?

В Раю купец, осталось тело, подумав, возбудили дело,

Следы искали, не нашли, купца на кладбище снесли.
Ну, а прелестница молодая, себя виновной не считая,
Законным сочеталась браком, и понеслась по буеракам

Тяжёлой службы гарнизонной, зато, женой вполне законной!

И только старую мамашу, и заварившей эту кашу,
Ночами длинными зимою, купец пугает бородою.
Ревёт и воет он в трубу, вовсю кляня свою судьбу.
Его несдержанность сгубила. А начиналось очень мило!

Коль волоса уж серебро, а бес толкает под ребро,
То не гори так ярко сходу, тебе не победить природу!
Младые девы хороши, лишь только как порыв души.
А коль елду не смог унять, сторишь, и на кого пенять?

Мечта идиота

Кабы денежки найти, да побольше кабы,
Так во рту б росли грибы и любили бабы,
Это нонче я обсос, не пришей рукавчик,
Были б деньги на бухло и на малый хавчик.
Ну, а если капитал мне бы отломился,
Сохранить его бы я даже не стремился.
Перво-наперво, братва, хорошо напился,
И поляне для друзей мир бы удивился!
А потом купил «Пежо», зубы золотые,
Лепень модный и часы, с виду лишь простые.
Что бы стоили они тысяч пять, не мене,
И писали про меня, аж, в журнале «Смене»!
Домик быстренько возвёл прямь в деревне Грязи,
И боярин местный что б был со мной на связи.
Я ему: Привет, Максим! Как дела с марухой?
Надоело, надо быть, кочюмать с старухой!
Забредай вечёр ко мне, жду, придут биксы,
Всё обученный народ, зуб даю и фиксы!
Я не буду класть в офшор, там общак у масти,
Всё мы быстренько пропьём, не в деньжатах сласти.
Но, неделю, или две точно попаную,
Только вот хочу ли я ждать судьбу иную?
Может лучше быть в низах, никому не нужным?
Или вверх всё время лезть, пусть путём натужным?

Навернуться можно вниз с высоты до боли.
И лишиться на века и моей-то доли.
Так что б если б, да кабы, на хер перемены.
Только волю мне терять в ходе этой мены!

Любимая, меня вы не любили!

А я вас ждал сегодня под часами,
Снежинки тихо в воздухе кружились,
Сказали вы, что ночью не ложились,
На всё решились, и готовы сами.

Я простоял в сугробах до рассвета,
Вы не пришли, а вот снега не спали.
Да и туманы белые упали,
Казалось мне, замёрзла вся планета

Вы позвонили, извиняться стали,
Печали колокол звучал уже к вечерне,
Сказали, что во всём согласны вчерне,
Но, вам хотелось бы ещё узнать детали.

Чужая женщина чего-то говорила,
Вновь обещала и любовь и точность.
А я сказал: Простите, что за срочность?
В делах у нас и так всё очень мило!

Я не люблю тебя, – мотив звучит прекрасно,
Ушла ты в прошлое, в далёком голубом.
Отныне обаяние не властно.
Мне никогда не быть твоим рабом!

Русалка и водолаз

В воду речки через раз опускался водолаз.
Раз напарник, раз Иван, он имел на дне роман.
Познакомился с русалкой, назвалась девица Алкой,
Предложила всё отдать, что на ней сейчас видать.

Жемчуг дать и серебро, всё папашино добро,
Если только водолаз восхитит её на раз!
Проберёт до нежных струн, распотешит, как игрун,
Пусть введёт её в экстаз, можно, даже, садомаз!

Жизнь речная надоела, перемены просит тело,
Сколько ей икру метать? В целом, надо перестать!
Рвётся из неё на волю, проклиная рыбою долю,
Ординарный человек, секса ж не было вовек.

Так, лягушечья забава, не оргазм, судьбы подстава.
Чисто рыбные дела, чепуха одна была!
А с Иваном-водолазом переменится всё сразу.
Он и грозен и велик, и красив как божий лик!

Так что, шасть Иван на дно, а русалка ждёт давно,
Речи бурные ведёт, на препятствия кладёт,
Водолаза горячит, томно губками сучит,
Обещает всё и сразу простофиле водолазу.

Он губу и раскатай, скинул шлем, готов, давай!
Захлебнулся, чуть не помер, не проходит с сексом номер.
Хорошо, что наверху не хлебали снов уху,
Дерг наверх и откачали, и сказали, не смолчали,

Ты бы меньше водку пил, страшных «белок» не ловил.
Не допился б до русалки, в средах двух универсалке.
Подлечись, а то, зашейся, или пей, но, не залейся.
Не топи себя в вине, или будешь сам на дне!

Замена

Раз на речке, на реке, гармозу нашли в песке.
Отряхнули, сполоснули и Ванюшеньке вернули.
Мол, ты боле не теряй, каждый вечер проверяй!
Коль гармонь от нас уйдёт, всё веселье пропадёт.

Ты один на всё село, с гармонистом нам свезло.
Пьёшь, оставь в избе гармонь, выпил, так её не тронь.
Без гармонии, как без рук, будет наш селянский круг.
Польку ль сбавать, аль ситроль, ты, Ванюшенька, король.

Порешил наш сельский сход, в город совершить исход.
Поезжай купи баян, только не напейся пьян.
Да деньжаты не пропей, наш селянский соловей.
А пропьёшь, так бошку с плеч, можем и избу поджечь.

Возвращается Иван, в целом, так, не очень пьян.
Говорит, купил что надо для крестьянского уклада.
Это, мол, волшебный сон, всё заменит граммофон!
Хошь, капусту посолить, хошь, народ развеселить.

Тут достал он ящик с ручкой, диск с поющей чёрной
жучкой,
Это всё покрыл трубой, ну, доволен сам собой!
Повернул чего-то там, и раздался медный гам.

Басом заревел мужик, про пожар, что был велик.

Про кремлёвскую стену и седую старину.

Как злодей Наполеон, из России вышел вон!

И закончилась пластинка, у Ивана лишь заминка,

Ставит новую про то, барин как купил пальто.

Ящик целый для пластинок, старых песен и новинок,

Ну, Иваныша, угодил, сход не зря тебя пустил.

Можешь пить, гармонь терять, хоть запои отмерять.

Потому, у нас теперь в новый мир открыта дверь!

Не трожь, сука

Разбежались кони, разбрелись по лугу,
Бьются бестолково, мечутся с испугу.
А бойцы в окопах, враг их гнёт и ломит,
Пара казаченок коней в поле ловит.

К вечеру не стало в поле тех коней,
Все лежат побиты пятнами теней.
Нету и казаков, полегли в бою.
В дни войны народной за страну свою!

Завсегда считали, даже в старину,
Святы, что отдали жизнь свою в войну.
Нет на них, погибших, никакой вины,
Души их на небе, у Престола сны.

Только не живётся тихо оглодам,
Так неравнодушным к дедовским победам.
Зря, мол, погибали, а могли бы сдаться,
А потом баварским пивом наслаждаться!

Этим всё едино, облизать сапог,
Жопу ли подставить, отсосать на чмок!
Нет для них святого, иудей в седле.
И патрон горюет у меня в стволе.

Снег в Иерусалиме

Снега покрыли город Света, мечеть Аль-Кудс стоит вся в белом,

Сошла с ума моя планета, и мы за ней стремимся, в целом.
На пальмах снег, висят ледышки вдоль всей стены евреев плача,

И солнца огненная кляча уходит в ночь без передышки.

Араб, от холода танцует, бежит и гонит вскачь верблюда,
И ветер, пальмы полосует, совсем не ждёт тепла и чуда.
Еврей с горы толкает санки, его детишки «бабу» лепят,
Душевный вызывая трепет, предчувствием вселенской пьянки.

Растёт на исполинской сцене мистерия кончины света,
Христос здесь рек о перемене, но здесь и каинова мета.
Магиддо поле тоже близко, пора его всё ближе, ближе.
А мы склоняемся всё ниже, снижаем речь свою до писка.

Эх, человек, сосуд скудельный, отнюдь, не всё в тебе от Бога.

Активный ты, или бездельный, дойдёшь до смертного порога.

Бог – он Добро, он всех прощает, покайся и пути открыты.

Или, чертячие копыты, за путь свой каждый отвечает!

Подражание Розенбауму

По ночной Одессе фраерок гребёт,
И понты такие, всех, мол, в рот е***.
Разбегайтесь, суки, кыш на унитаз.
Все дрожат в фазендах, страх берёт на раз.

Я певец известный, – голосит аид,
А братан, Семен мой, тот простой бандит,
Парится он в морге, ох, азохен вэй!
Не сфартило, парню, хоть крутой еврей!.

Сыскари ногами по нему прошлись,
Он концы откинул, но не унялись.
Записали Сёму, чистый стал козак.
Сел еврей на лошадь, значит он русак!

Пал и оклеветан, что от власти ждать?
Будет брат в могиле Мошияху ждать.
А не то протрубит мощный Гавриил.
Дожидайся, Сёма, спи среди могил!

Всем я уши вырву, жутко отомщу.
На поток все песни быстро запущу.
Никогда не сгинет мой казачий след.
Все вы просто гои, а я – авторитет!

Украинская песня

Хлопцы, вы послушайте меня, как давали мы жидам
огня,
Как в Полесской деревушке жгли мы вражие избушки,
А жида бежали, семеня!

Батальон наш славный «Нахтигаль» поимел всех
местных Шур и Галь,
Барахло пойдёт до дома, то известно и свидомо,
Истребим всего местечка шваль!

Захожу до хаты я один, сел себе за стол как господин,
Говорю, вина несите, сало, яйца, не томите,
Мне не жалко, дед, твоих седин.

А старик меня послал туда, ну, короче, к чёрту на муда,
Я его из автомата, что ж ты, хрен, срамишь солдата,
Обижаешь, просто ерунда.

К деду подбегает тут старуха, я её достал прикладом
в ухо,
Вижу, план с обедом кувырком, старика прикончил
сапогом.
Дом спалил, и стало дело глухо!

Так мы погуляли по стране, славно воевали на войне,
А потом я за границей жил весёлой вольной птицей,
Украинцы в Квебеке в цене!

А сейчас его правнуки мать городов русских наклоняют!

Письмо

Письмецо от внука получил Абрам, внук его, во-сука, поднял тарарам.

Пишет, замерзаю, я совсем готов, И, не отрицаю, я – среди скотов.

В наших Палестинах густо выпал снег, как в родных осинах, около Онег.

Обстановка ночи, мне не климатит, точно, здесь не Сочи, гольный стоматит.

Врач-то я отменный и работы всклянй, только, по- иному, положение дрянй.

Иудей папаша, значит я еврей, только так в России, здесь же всё мудрей.

Ты евреем будешь, коль рождён еврейкой, а в чалме папаша, или с тюбетейкой,

Ничего не значит, не для пользы дела, так моё еврейство мимо просвистело!

Я решил жениться, девушка что надо, крем-брюле с халвою, сало с шоколадом.

Мы пошли к раввину, полный был отлуп, я неподходящий, поц среди залуп.

Что ж ты, старый мерин, с брисом не спроворил, обрезанье внуку взял и не огорил?

Мать моя русачка, у меня всё цело, потянулась жвачка, закрутилось дело.

Это ж сколько надо, что б пройти гийюр, на хера мне нужен этот конфитюр?

Так что не еврей я, внуком остаюся, но, не ослабею и не обламлюся.

Я найду девицу средь арабок вольных, пусть она узнает сласть гаремов сольных.

Вот с роднёю девы могут быть проблемы, тоже с обрезаньем возникают темы.

Вдруг придётся с ейным папой в бане мыться? Зять и не обрезан, могут оскорбиться!

Тяжела и грустна ныне жизнь моя, мучают проблемы и конец х**!

Змей

Не на небе, где то рядом, городок стоял с посадом.
Жили люди, не тужили, своей волей дорожили.
Наживали, что могли, все доходы – от земли.
Ну, маленько, от охоты, в праздник пили до икоты,

А по будням, в основном, каждый в поле под окном.
Просо, рожь, морковь, капуста, добывали все не густо,
Но, хватало до новья, кроха пусть, зато моя!
Соберут дары земли, вот и зимы к ним пришли.

Зима, лето, зима, лето, славят Господа за это!
Только был бы скот здоров, был народ тот не суров.
Поделиться с гостем рад, ну, не град, а Вертоград!
Просто, пусть порою скучно, да оно ведь и сподручно!

Но, случилась беда, жуткий враг пришёл сюда.
Змей огромный прилетел, да во поле чистом сел.
Жрёт посевы, ловит скот, глушит рыбу обормот.
Извести народ грозится, бедным жителям не спится.

Горожанам край пришёл, весь уклад в раздрай пошёл.
Всё! Ложись и помирай, иль от голода сгорай,
Или от других скорбей, или сам себя себя убей!
Впереди один исход, нужен тут не слабый ход!

Жёнка в городе была, что себя не берегла.
Без отказа, за деньги, что милому, что врагу.
И охальна и красива, совершенно не спесива.
Угодить могла любому, и всё тихо, без сорому.

Дело сделал? Заплати, а затем домой лети.
Будут деньги, забегай, для голодных – просто рай!
Говорят, ****а не лужа, мол, останется для мужа.
А нехватит невзначай, эту бабу привечай!

У неё прямой расчёт, смысл тут каждый просечёт!
Кто, чем может, капитал доброй денежкой питал.
Вот она избрала чем, делом, в целом, нужным всем.
Шито, крыто, без булды, молча тешила елды!

Так всем обществом народ встал у стареньких ворот.
Попросили, выручай, злее всех всех у нас случай.
Если гада победишь, нам свободу возвратишь,
Мы тебе в один момент на етбу дадим патент.

Станешь города утехой, молодёжи не помехой,
Никаких моральных пут, все кто хочет, пусть ебут!
Баба с ходу согласилась, ей лафа така не снилась,
Собралась и к змею шасть, чуть сама не лезет в пасть.

Здравствуй, Змейчик, – говорит, – У меня душа болит.
Предстоит тебе пропасть. И, целует гада в пасть!
Только я с своей любовью припадаю к изголовью

Чистой мудрости твоей! На неё воззрится змей.

В город наш вчера попал человек, зовут Немал.
Силы столько, просто страх, ох, спаси меня аллах,
Мне на раз порвал манду, я живу теперь в бреду.
Платье тут приподняла, по коленкам кровь текла.

Об особенностях женских Змей не знал, в делах
вселенских.

Время больше проводил, анатомий не учил!
Видит, точно, кровь течёт, баба правду, знать, речёт.
И, видать, силён Немал, чуть не на двое порвал!

Говорит, с ним буду драться, мне не в цвет людей бояться.
А бабёнка: погоди, и себе не навреди.
Знаю старую молитву, когти что острит как бритву.
Вот, ложися под скалой. Да глаза платком укрой.

Очень вредная для глаз та молитва всякий раз.
Я ж с вершины каменюки пассы сделаю и штуки.
Будешь ты зело могуч, просто, покоритель туч!
Змей накрыл глаза и лёг, а бабёнка скок-поскок,

На вершину и толкнула на змеюку, что уснула,
Камень с голову слона, а ещё и крутизна.
В целом, Змей не уцелел, две недели проболел,
А потом и лыжи склеил, так пожал он, что посеял.

Горожане не сплошали, бабе вовсе не мешали.

Жизнь текла рекой не бурной, и пристойной
и культурной.

Тут и сказочке конец, а кто слушал молодец!

Можешь бабу посетить, и с ней дело замутишь!

Инь и Янь

Жили-были два китайца, ну похожие как яйца.
Инь один, а Янь другой, так их звали, дорогой!
Инь был трезвенник, а Янь запьянцовская был пьянь.
Но, понять, который пил, у людей не хватит сил.
Два лица, как два яйца, различите молодца!
Инь вгрызается в работу, Яню, ясно, спать в охоту,
В день получки первым Янь, получает деньги срань.
Инь в окошко, а ему гольный шиш кладут в суму!
Мол, сперва бы потрудился, а потом сюда явился.
Ты сплошное ««не могу,» так за что платить деньгу?
Инь пошёл к монахам в горы, разрешить хотелось споры,
Пусть дадут ему совет, мудрость копят столько лет,
Что им стоит разобраться, как ему с бедой бодаться!
Старый седенький монах, на скале сидит в штанах,
Мошки грудь его едят, мухи крыльями трывают.
Он на это всё кладёт, на контакты не идёт,
Камень старый тоже сед, им двоим три тыщи лет!
Инь по простоте спроси, где пути себя спасти?
Сколько ж мучаться ему, вместо Яня одному?
Дед возьми, да рот открой, тихо говорит порой,
Но, услышать можно речь, словеса слетают с плеч.
Ты и Янь – единый знак, символ жизни ты, дурак.
Женское пронзит мужское, и не будешь ты в покое.
И мужское стынет в женском чистом символе

вселенском!

Янь – она, конечно, баба, у японцев – ваба, саба,
Связка, бабочка – цветок. А у нас имён росток.

Инь и Янь основа света, коль живут, жива планета.

А теперь, вали домой, Янь уж ждёт тебя с сумой.

Подари ты ей подарки, монастырских свеч огарки,
Да напутствие мое, и в кровать тащи её.

Инь, в натуре, обалдел, получил, чего хотел,

Сколько раз и он и Янь Люсек трахали и Тань!

Как тут деда речь понять, как елдою их разнять?

Плюнул Инь на это дело, стал он действовать умело,

Взял, уехал в СССР, трудовой явил пример,

Был стахановцем в забое, зашибал деньгу рекою,

А про Яня позабыл, больно случай был не мил!

Плюнул и на вабо-сабо, сам решил он всё не слабо.

Конь

На балконе шапито старый конь стоял в пальто,
Не сморкался, не чесался, только скромно улыбался.
Славный символ цирковой, с непокрытой головой.
Вот подходит к микрофону, издаёт подобье стону,

Взгляд на землю переводит и такую речь заводит:
«Позовите, господа, шпрехшталмейстера сюда.
Пусть при вас расскажет он, как попал я на балкон?
Вешу много я кило, совершиться может зло.

Шапито ведь это тряпка, провалюсь, и я культяпка,
Нету ножек, нету ручек от таких вот мерзких штучек!
Так мне хочется пожить, цирку родному служить,
Под мотив «Парад, алле» в блёсках прыгать и седле.

Только чувствую, враги возвещают – не моги!»
Открывает конь глаза, вот она, пришла гроза.
Он на бойне, всё, пропал, мясника суров оскал!
Не исполнить ему номер. Конь со страху взял, да помер!

И очнулся вдруг в раю, где исполнил песнь свою!
«По арене, по арене, старый конь пока на сцене,
Где работа, там и рай, и судьбу не выбирай!
А помру – на колбасу, как я это всё снесу?»

И опять очнулся враз, всё прекрасно, без прикрас.
Просто снился жуткий сон, а стоит в конюшне он!

Клоуны

Рыжий рыжего спросил, ты зачем траву косил?
Словно Ясик черемшину, поглядая на дивчину.
Слышит рыжего ответ, мол, прожил я много лет,
Девки с Ясиком пустяк, будет чем набить косяк!

В долгий зимний вечерок косячок нам нужен впрок.
Вот когда повеселюсь, смехом с каждым поделюсь.
Я же клоун, как и ты, не растить же зла цветы?
То-есть, мне не сеять мак, знаю, герыч – не пустяк!

Рыжий вовсе тут стал красный, как баллон огнеопасный.
Не сменяю, говорит, мой первач и аппетит,
На твоё дурное зелье, лучше уж терпеть похмелье.
Зря бровища ты не хмурь, путь в могилу эта дурь!

И пошла у них потеха, лупят, возятся для смеха.
Оба рыжих – два луча, бьются, души горяча.
Аплодируют вокруг, рыжий массе первый друг!
Ну, а я прикинул к носу, свёл к единому вопросу,

А тебе не всё равно, через что пойдёшь на дно?
Через плана ли дурман, пейзаховки ли обман,
Героин ли тебя съел? Всё! Трындец! Ты не у дел!
Хоть ты клоун, хоть ты кто, жизнь – она не шапито,

Очень трудно отыграть. Лучше и не выбирать!

Старая сказка

На краю лесной опушки, в той, на курногах избушке,
Жил да был старик Кощей, не было его тощей.
Вроде ест неспорно, всем подряд ласкает рот,
А худющий как червяк, весь, от шапки до чуба!

Вместе с ним жила Яга, Костяная что нога.
Зага не было в лесу, приглянулась за красу,
Да осталась вместе с ним, милым муженьком своим.

Жили в лад, друг другу в цвет, вот прошло немало лет.
Постарели, поседели, и друг другу надоели.
Ссоры, споры каждый день, жизни нет, одна мигрень.
Коль такой пришёл завод, нужен стареньким развод!

Поделить горшок к горшку, разогнать бытскую тоску.
Наш Кощей – великий воин, всех наград был удостоен,
И оружие именное, ну и многое иное.
Золотой денюжки запас он за жизнь свою припас.

И его шальной старухе не лежалося на брюхе,
Враз прославилась стократом самобеглым аппаратом,
Что в народе ступой звался, он в трёх средах обретался,
Хошь езжай, а хошь лети, нет помехи на пути!

Быстро продали избушку, чёрт подсунил им подружку,
Лиходейницу лихую, но о ней я не толкую.
Дело сделано, хоть брось, старики зажили врозь.
Попервам, оно и в кайф, только жизнь не герболайф!

Так судьбу твою решит, что народ весь насмешит!
Дед сошёлся с молодой, подружился с медовухой,
Стал сонлив и вовсе снул, да в лесу в мороз уснул.
Костяная же нога отыскала паренька,
Тот набрался, в ступу влез, да с Ягой её на лес.
Так не стало стариков, своих собственных врагов.
Жили столько вместе лет, и себя свели на нет.
Ты, читатель, жизнь любя, перекинь всё на себя!
Не спеши в пучину бед, вот такой тебе совет.

Наука история

Разбирайте потроха, – слышен голос пастуха.
Он коров колхозных кончил, и судьба его лиха.
За единый колосок, если с поля, будет срок.
Тут же, стадо целиком, ну, топор над пастухом.

Ждёт этап, или расстрел, в целом видно, погорел.

Вот обратное совсем, я творю без всяких схем.
Наш пастух – страны герой, множит патриотов строй.
Враг колхозы заложил, честно Рейху скот служил.
Поставлял врагу еду, люди ж жрали лебеду.

Пастушок прикончил скот, славит подвиг сей народ

Пастуху, конечно, вилы, раз попёр поперёк силы.
Те ли, эти ли – расстрел, всё одно, к чёртям сгорел.
Только тут он – патриот, подвиг пресса вознесёт.
Ну, а там, вражина, гад, после смерти – прямо в Ад!

Всяк ему порвёт кадык, от народа жди кирдык!.

Немцев с хлебом у ворот, с мёдом из янтарных сот,
Кто хотел, тот и встречал, на страну свою серчал.
Получили же в ответ память страшную тех лет,

Мы – не люди для врагов, лишь мишени для штыков!

Но, заметьте, всякий раз мясом полнился припас!

Не в истории тут дело, всяк своё решает смело.
Личный взгляд, основ основа, смело повторяет снова.
Как хочу, так и смотрю, и историю творю.
Вот историк без науки на науку поднял руки.

Предлагает, придушить, сколько можно с ней грешить?

Нам, что сесть попировать, что идеи трактовать.
Подгоню под время факты, обрисую тем компакты,
Буду чинно гнать пургу, что ж, что на руку врагу.
Я вам, чисто, не любой, несогласных всех в отстой!

Я, представьте, либерал, вам всю правду проорал!

Геродот мне не указ, я в истории увяз.
И расчищу это поле, разгребу я всё на раз.
Знаю правду я один – положенья господин.
Нет истории-науки, только я среди руин!

Запой

Как из гардероба показалась жопа.
У меня и страх пропал, чисто думаю попал.
А она баском ворчливым, голоском неторопливым
Речь свою произнесла, слово мудрости снесла!
Что ж ты делаешь, браток, в чёрной шляпе без порток?
Дело к вечеру, а ты сеешь всюду «Зла цветы».
Ты Бодлера перекушал, лучше б Чехова послушал,
Что писал без всяких врак, пусть седьмой ты, но дурак!
Ты ж, братишка Иванов, ловишь розовых слонов,
Их сажаешь в пузырьки, чуть недохнешь от тоски,
Но, исправно ханку жрёшь, от запоев и умрёшь.
Ты б в неделю раз прибрался, что бы хлам не оставался,
У тебя вон, хоть соли, черти прыгают в пыли!
Ты вот думаешь, что я речь веду, вот здесь стоя?
Это ты во мне сидишь и глазелками вертишь!
Ты свари и скушай супу, перестанешь слушать дупу,
Из запоя выйдешь враз, коли разум не угас.
Отряхнись, открой глаза, день как божия роса,
Ты же с жопой разговор тут ведёшь себе в укор.
Враз трезвеет Иванов, ничего, что без штанов.
Маханул ещё стакан, понял, жопа – лишь обман.
Враг виденья насылает, зла, видать, ему желает.
Резво сиганул в окно, ну, а жопа ждёт давно!

Нечаянная встреча со свободой

Где-то на Майдане я Марусю встретил,
Я за ней гонялся, как за куркой петел.
Бесы лезут в рёбра, в бороде седины.
Мы тут все обслуга неньки Украины.
Всё не так и просто, как бы вам хотелось,
Дома тёща с жинкой мне давно приелась,
Ну, а на Майдане полная свобода
Для меня вот лично и всего народа.
А дивчина эта пышна, чёрноброва,
Поначалу смотрит на меня сурово,
Только и спросила, маю ли я гроши?
Коли их в достатке, значит я хороший.
Достаю я лихо деньги из кармана,
Простота ликует, дело без обмана.
Ну, перепихнулись пару раз в подъезде,
Раз у нас в палатке, да разок на съезде!
В Доме Профсоюзов был какой-то сбор.
Ну, а нам, на мягком, дело не в укор.
И ушла Маруся в вихре революций,
Ну, а я страдаю от судьбы поллюций.
Что-то между делом намотал на край.
Версий лишь четыре – хочешь, выбирай!

Лягушка и заяц (Басня)

(По мотивам Лафонтена)

Лягушка на лугу, увидевши вола,
Решила, что ему охотно бы дала.
Но, призадумалась, а как насчёт размера?
Затравка есть, но это – для примера.

Однажды заяц раскатал губу
Увидев мощную железную трубу.
Вот где нора! Сиди себе сам брат.
Враг не пройдёт, ты жив и жизни рад!

На складе раз давали всем херы.
Пришёл и заяц, выйдя из норы.
Ему достался солоп бычьей масти.
С такой игрушкой как бы не пропасть бы!

Идёт и видит, на пути лягушка,
И обликом как будто не старушка.
Игриво заяц солопом махнул,
Согласье есть? Мигнула. Он воткнул.

Лягушка подбоченилась игриво,
И, лопнула, не выдержав порыва.

А заяц с перепугу шасть в нору,
Тут газосварщик заварил дыру.

Скалдырники погибли до седин,
Лишь вол пасётся на лугу один.
Читатель! Коли ты в порыве страсти,
Сумей искусством избежать напасти.

Всегда имеешь руки под рукой.
Реши вопрос, и оцени покой!

Парень из Диканьки

Паренёк сказал дивчинке, смысла нету в той овчинке,
Что и выделки не стоит, только нас с тобой расстроит.
Со сторонки не понять, он хотел её унять.
Урезонить наконец, оттаранить под венец!
Парень девушку любил изо всех парнейских сил,
А она же ни гу-гу, гонит гольную пургу.
По девичьей по привычке захотела черевички,
Те, что носит лишь царица, поневоле будешь злиться.
Да, девицу не унять, сколько можно ей пенять?
Парень был вконец сражён, умотал в столицу он.
Там героем стал Майдана, закрутил аж три романа,
Но, в страны своей столице не нашёл себе царицы!
Черевичек тоже нету, так что он рванул по свету.
Так и в Лондон приканал, королеву увидал,
На приёме у неё нёс всё больше про своё,
Всё ж сцыганил черевички, под поллой укрыл улики,
Шасть за Букингема дверь, ну, а там поди, проверь!
Он в Диканьку воротился, на церквушку покрестился,
Вроде, нет теперь преград, паренёк был очень рад.
Вот к девице парень входит, разговор такой заводит,
Я, родная, не фуфлю, получи своё туфлю.
Прямо с ножки королевы, для своей прекрасной девы
По заказу я добыл, кстати, это Лондон был.
Та скорее примеряет, прямо в туфельку ныряет,

Что случилось, ё-маё, сорок третий у неё.

Ну, прикинуть для примера, так остаток в два размера!

Не впихнуть, как ни пихай, иль руби, иль усыхай.

Плюнул парень и ушёл, деву новую нашёл.

И забыл про всё на свете, быстро подрастают дети,

Нет английского тумана и прикольного Майдана.

Человек, жена, семья! Вся тут сказочка моя.

Леприкан

В заповедном раз бору леприкан отрыл нору,
Этот самый сикофант вёл себя как эмигрант.
Тайно золото копил, водки капельки не пил,
Кто не знает, это гном, порождённый жутким сном.
Он и страшен и жесток, правда, знает свой шесток.
Не обидит лишний раз, лишь не тронь его припас!
Встретил как-то леприкан деву из далёких стран,
Та Снегурочкой назвалась, у него и жить осталась.
А ему чего? Живи! И гелду домой гребь!
Мол, такие вот дела мне как рюмка для стола.
Грозно разевает пасть, девке хоть ваще пропасть!
Но, срослося, стали жить. Вот приходит час родить!
Леприкан – он не дурак, всё решил без всяких врак.
Говорит, давай, рожай, и меня не обижай.
Я приму дитё в семью, и заботой обовью!
Коль родится леприкан, закачу такой канкан,
Всех я в гости приглашу, для начала сам спляшу.
Пусть валяется народ в стельку пьяный у ворот.
Можешь ты родить и бабу, мне в семью подкинуть жабу.
Охладить рожденья пыл, леприкан что б бабой был!
Лучше без экспериментов и слюнявых сантиментов,
Подари мне леприкашу, укрепим семейку нашу!
Родила Снегурка в ночь и не сына, и не дочь.
Санта Клаус родился, под младенца закося!

Спился с горя леприкан, с бабкой Ёжкой свёл роман,
И, от злобы всё тощея, удлинял рога Кашея.
Тот в ответку и не ахнет, с златом леприкана чахнет.
Подрядился сторожить, не могёт без злата жить.
Санта Клаус и олень, одолев и стыд и лень,
Тоже создали семью, я закончил песнь свою!
Всё пошло по-европейски, мульткультура прёт житейски,
Нонче в доме все равны, что евреи, что слоны!
Мало ль, что Рудольф – олень? Все равны, кому не лень!

Истина нужна?

Жутко русский прям народ, всё выносит из ворот.
Что в башке, на языке, нету шлюзов на реке!
Чешет, прямо по Христу, как чрез речку по мосту.
Правду речь приятно мне, а неправду, так вдвойне!

Дипломатию – на дно, наша правда, как вино.
И искрится и пьянит, и, приятная на вид.
Только вот отведав зелья, ожидай, мой друг, похмелья.
Коль наступишь на мозоль, схватишь головную боль.

Не один ты правдолюб, среди Ваничек и Люб.
Люди скажут про тебя, тоже правду возлюбя,
Что-нибудь совсем такое, что лишит тебя покоя.
Дети мы одной страны, век под властью сатаны.

Сколько нас, так столько ж мнений, каждый Тицерон
и гений.
Всё мы знаем обо всём, локти лишь потом грызём.
Вот вопросик для завтраки, пусть послужит вместо
вставки.
Скажем: Симонов – поэт, а Шагал – художник? Нет!

Не найти консенсус здесь, хоть на стенки будем лезть.
И дойдём до рукопашной мы в словесной схватке

страшной!

Богиня

Она сказала мне: Не надо! Вам не дано меня любить.
Нёс ветер брызги с водопада, толкал нас вниз, хотел убить.

Мы с нею встретились случайно в тени запутанных аллей,
Печали шлейф, чужая тайна, богиня леса и полей.

Я тут проездом и под вечер почтовый поезд унесёт,
Искал себе приятной встречи, глядишь, от мук моих спасёт.

Кричали зяблики в овраге, печально пели про своё,
Стихи чернели на бумаге, и продолжалось бытие.

Она прошла как отражение, сама Афина среди полей,
И я отринул прочь сомненье, коль пить решил, так и налей!

Я предложил смешную сумму, бакшиш размером
в четвертак.

Чем разъярил лесную пуму, чего-то сделал я не так.

Затем я объяснил резоны, привёл в пример свою нужду.
Мол, я откинулся из зоны и восемь лет богиню жду!
Судьбою ввергнут в состоянья, терпеть которые нет сил.
Желанья выше ожидания, короче, был резов и мил.

Она сперва сопротивлялась, а после жарко обняла,
И два часа со мной валялась, пока неслись любви дела.
Её я оборвал как липку и взял несчётно сколько раз
Она встречала всё улыбкой, слезами радости из глаз!

А напоследок тихо, мирно в бочину сунула стилет.
Я здесь теперь валяюсь смиренно, четыре сбоку, ваших нет.

Гражданская

Забегаю раз в буфет, ни копейки денег нет,
Разменяйте десять миллионов.
Шла гражданская война, в муках корчилась страна.
Ну-ка, шкеты, геть из под вагонов!

Сам я из Ростова на Дону, прочесал огромную страну,
От Одессы нашей, мамы, все сыны её упрямы,
Я поехал, братцы, на войну.

Белые и красные дерутся, урки в стороне сидят, смеются.
Бейте больше и сильнее, по-возможности, больнее.
А с делами воры разберутся.

Так случайно к красным я пристал, в Бога верить вовсе
перестал.
Грыз марксовы науки, подыхал порой от скуки,
Голодать и холодать устал.

Когти подорвал и к белым шась, поменять решил
и власть и масть.
Здесь хотя б кормили вволю, но свою свободы долю
Потерял, а без неё пропасть.

Тут разбил нас Нестор сам Махно, сердцем чую,

самое оно.

Вижу – правда, есть свобода для российского народа.

И пошёл со всеми заодно.

А теперь стою и жду расстрела, залп – душа к Престолу
отлетела.

И предстал я перед Богом в положение убогом,

Не нужна душа, коль нету тела!

Невенчаннные

Шли солдаты гарнизонные, уходили на войну,
Провожали незаконные, заменившие жену.
Под оркестра звуки медные, прошагал за взводом взвод,
В дали дальние бесследные, где их смерть с удачей ждёт.

Сколько лет с поры той минуло, дождь кровавый не идёт.
Лихолетье нас покинуло, что же милый не идёт?
Полегли солдаты, сгинули, не вернулись с войны.
Навсегда, видать, покинули баб своих страны сыны.

Сколько с жизнью бы ни маяться, долог век, но есть
и срок.
Не в чем старым этим каяться, для других их жизнь урок.
«Пейте, пойте с молодую, бейте в жизнь без промаха.
Всё равно, любимая, отцветёт черёмуха!»

Коли не повенчаны, значит и не вдовушки.
Жизнью круто перчены старенькие совушки.
Только где-то в памяти время довоенное,
Из туманной замяти снится им нетленное.

Паренёк с погонами, тот, что первым был,
Прибыл с эшелонами, с ними и убыл.
Что же тут вспомняется, в целом, ничего.

Боль в душе останется, до си ждёт его!

Смерть

Как-то шёл в разведку я, на дело, но в ответку пуля просвистела.

Двадцать метров пред окопом, я валяюсь кверху жопом,
И душа моя простилась с телом.

Раздался вокруг вселенский вой, мёртвых формируется конвой.

Всех, мол, в Рай без пересадки, знать такие здесь порядки.

Встал и я с пробитой головой.

Очередь пред райскими вратами, поле всё украшено цветами.

Посмотрел в глаза мне ангел, тут же враз пришёл архангел,

Зря ты, – говорит, – между братьями.

Понимаешь, ты пока что жив! Коль ты здесь, так есть основ подрыв.

Рано ты явился к Богу, на-ка, выпей на дорогу.

И вали, да будь не суетлив.

Всё, опять валяюсь на земле, и один, как мушка на стволе.

Хоть прострелен был насквозь, всё ж надеюсь на авось.
Буду я когда-нибудь в седле.

Смерть моя выходит не в зачёт, чую — жизнь меж
пальцами течёт.

Скоро адская прожарка, глядь, за мною санитарка.
Я и Аду поломал учёт!

Так вот и остался, на земле, знать молилась мамка, что
в селе.

Может, выйдет, довоюю, всю войну перебудую.
Не сварюся в чёртовом котле!

Печальная песенка

Ты не уходишь, нет, не уходишь.
Меня ночами всё хороводишь.
То сгинешь вовсе в тумане сна,
То крупным планом, сидишь одна.

Я точно знаю, почти без света,
Во снах глубоких лежит планета.
И там есть место, где ты жива.
Мне недобросить туда слова.

А как хотелось, давно хотелось,
Сказать что жизнь мне уже приелась.
Я за тобою прибуду вскоре,
Тебе на счастье, жене на горе.

Не существуешь ты наяву,
Воспоминаньем рвёшь сна канву.
А верю всё же свершатся сны.
Уж больно жизнью они полны!

Финская

Тишина в лесу заснеженном, на снегу следы петлёй.
Воздух кажется разреженным между небом и землёй.
Сны приходят мне смертельные, сею кровь, да всё в снега.
Руки тянутся пастельные неизвестного врага.

Тихо мирно пробирается меж сугробами обоз,
Словно нищий побирается, не жалея горьких слёз.
Скрип полозьев, волны снежные, быстро наступает ночь..
Ждут зверей глаза прилежные, с обещанием помочь.

И лежит солдат пораненый, то ли мёртвый, толь живой.
Всеми ветрами ограненный, и с разбитой головой.
Вроде и недолго тянется наша Финская война.
Только в памяти останется этот снег и тишина!

Баба Яга

Как-то бабушка Яга сдуру ли, спросонок,
Но, включила дурака, – говорит бесёнок.
Стала старая летать в местном окоёме,
И давай себе хватать рыбу в водоёме.

Словно гордый птиц орлан, так вот и сигает.
Исполняя видно план, цели достигает.
Наберёт корзины три и с собой, в избушку.
Жуть, хоть больше не смотри, жалко мне старушку!

Ну, а ларчик, между тем, просто открывался.
Нет Годзиллы среди тем, да сынок остался.
И растёт приёмыш тот, рыбу пожирает.
С ним играет вещий кот, кости прибирает.

Скоро уж настанет срок выпускать дракона.
Над землёй нависнет рок, как во время оно.
А несчастная Яга смысла не всосала.
Змей Горыныча дитя от беды спасала.

Непобедимая

А на шлемах звёзды синие, кавалерия – вперёд.
Где мы в лаву, где и в линию, кто-то скоро огребёт.
Год двадцатый, кони в иние, перед нами – Перекоп.
В Бога душу все ектинии, все вперёд, даёшь галоп.

Степь ковыльная заснежена, а местами гаолян.
И отбита и прорежена цепь китайцев среди полян.
Чёрти где от родной матушки, только рельсы в два ряда,
Краснозвёздные солдатушки, кровь которых не вода!

Халкин-гол насквозь прострелянный, позади лежит
Хасан.
День весь пулями размеряный, да пустынь седой дурман.
Наши танки прорываются и соломою горят.
Всё равно враги пугаются и о мире говорят.

Сорок первый к сорок пятому в смертной пролегли тени.
Кол осиновый проклятому, кто забудет эти дни.
Но, прошла непобедимая сколько надо, до конца.
Ты для нас всегда любимая, та, что всех взяла сердца.

Третий

Как-то некий воевода, возвратившись из похода,
На солдат своих орёт, на семь-восемь их берёт.
Вы не воины, а раки, ковы строите и каки,
Не вперёд, а всё назад, позабыв, где грудь, где зад!

Что б поднять вас всех в атаку, гений мой царил средь
мраку,
В результате, тут один положенья господин.
Сдался враг, бежал, исчез, отступил за дальний лес.
И победа тут моя, вас то не дождался я.

Так, сысypаю всех в коробку, для заметки, ставлю скобку.
Надпись в дело: Будет тут батальон штрафных иуд!
Не желавших воевать, а хотевших пировать.
Да по девкам бегать вволю, воев презирая долю.

Это есть зело орор. Пётр Третий. Имперор!

Тайфун

Песня из кинофильма» Генералы песчаных карьеров!»

Зелёным волнам нонче нет конца, бегут, спешат,
на тихий пляж.

Нет, у воды в атолле нет лица, а краски есть, свой макияж.
Пусть палмам и траве пришёл конец, солёных вод
не избежать.

И ждёт терновый нас в конце венец, но, не дрожать, а так
держаться!

Готовь каноэ, лодки и плоты, не хнычь, братан, помрём
лишь раз.

Мы люди гордые, а не скоты, пусть океан – тайфуна глаз.
Тяжёлый ветер с тучами песка, протяжный свист, домов
уж нет.

Летит и воет с брызгами тоска, напор речист, и гаснет
свет.

Вперёд уходим сквозь волны накат, нас не сдержат, нам
не бежать.

Вперёд и дальше строго на закат, сады сажать, детей
рожать.

Есть где-то остров сине-голубой, вода и тишь, ну
просто рай.

Ласкает там песок седой прибой, доплыть бы лишь,
и в вечный май.

Прошёл тайфун, нет волн и ветер стих, на море бишь,
зелёный мир.

Остаткам пальм песок читает стих, обломки крыш, да
рыбам пир.

Выносят волны на берег своё, осколки бед, мир не людим,
А мы ушли и про любовь поём, и ждём побед, и победим.

Когда приходит в общий дом беда, и вроде всё,
спасенья нет.

Встаёт народ плечом к плечу тогда, себя спасёт и целый
свет.

Нам не впервой из бури выплывать, не надо только корни
забывать!

Помошник

Гражданин Иван Котов чуть не прыгал из портов,
Порывался всем на помощь с кличем «Я всегда готов!»
Встанет утром, смоет сон, и, готов на помощь он.
Даже если и запнётся в длинных штрипках от кальсон.
Вот он улицей идёт, наблюдение ведёт.
Вдруг появится старушка, так её переведёт.
Можно и на красный свет, Склифасовскому – привет.
Коль достигнем тротуара, так избегнем всяких бед.
Помощь ближним выше трат, без особенных наград
МЧС родной поможем, то-то Шойгу будет рад.
Ну, а если, где горит, Ваня время не зорит,
Прибежит быстрее пожарных, как помочь другому зрит!
Или грабят где кого, трое против одного,
Наш Котов влезает сходу, а что бит, то ничего.
Только видит вдруг Иван, плохо пишется роман,
Коли шибздик от природы. Сел Ванюша на диван,
Думал час и думал два, аж распухла голова,
Да, сумел решить проблему, что весьма не дважды два.
Вон их сколько на Земле, каждый как патрон в стволе.
Замечаете их сразу, как крысяку на столе!
Россомаха, Кендимен, из железа Айронмен.
Есть и капитан Свобода, и летает Супермен.
А у русских, хоть пищи ты, нет такого для защиты,
Патриот до сердца струн будет он сержант Чугун!

Эра новая грядёт, Ваня стронций съел и ждёт,
Коль концы он не отбросит, суперсилу обретёт.
Знает пусть родной народ, всем вражинам – укорот,
Ваня чётко разберётся, если только не помрёт!

Кондом и Кот

Раз купить решили дом Кот приبلуда и Кондом.
Это сказка, так бывает, каждый русич это знает.
Несуразности сошлись, вскачь деянья понеслись.
Ну, а там, по ходу сказки, могут действовать все маски.
Хоть кондом, хоть Труфальдино, хоть арбуза середина!
Был бы только в этом смак, цимес, или, там, гуд лак!
Ты ж не кислая капуста, улыбайся для искусства.
Шутка гения, а мы путь продолжим среди тьмы.
Что подружило этих двух, не понял я, источник сух.
Случайно встретились в помойке, да и сошлись в лихой
попойке.
Потом нашли в клоаке клад, брильянт в четырнадцать
карат.
Удачно продали и вот их продавец домами ждёт.
Кондом, вальяжно развальясь, ничуть и ни на что не злясь,
Сидел себе, курил сигару, вдыхая запах перегару,
Которым Кот его разил, а тот спокоен был и мил.
Всё обсудили, заплатили и во владение вступили.
Зажили словно бы рантье два друга в шляпах канотье.
Два мирных тихих буржуина, но их ждала судьбы руина.
Звалась она Тома Жизель, к обоим впрыгнула в постель.
И понеслась вся жизнь по кочкам, согласно завещанья
строчкам.
Всё ей оставили они, так пресеклись их счастья дни.

И жизнь окончилась в клоаке, в подстроенной случайной драке.

Нет ни Кондома, ни Кота, всё их богатство – суета.

Красавица Тома Жизель их ввергла в смертную метель.

А не найди они брильянта, избегли б смерти варианта,

И потихонечку спились. Что лучше? Вы разобрались?

Торпедный катер

Бескозырки на воде, да пятно мазута,
У Нептуна в бороде – смертная минута.
Наш торпедный катерок, прямо как игрушка,
Только видно вышел срок, не спасла и пушка.

Две торпеды в цель пошли, да, ведь, боле нету.
Что смогли, то и снесли, взрыв потряхнул планету.
Нет эсминца на морях, вниз, и умирает.
Вьются ленты в якорях, ветерок играет.!

Словно огненный горох, пулемёты с неба.
От разрывов мир оглох, отлежаться где ба!
Пара «Штукас» в облаках, карусель над нами,
Жизнь сегодня в дураках, полюбуйте сами.

Всем лежать нам на песке где-то возле Керчи.
В смерти чёрном кулаке расцветают смерчи.
Бензобак пробит давно, копать рвётся к свету,
Так что мы идём на дно, и спасенья нету!

Даже некогда нам петь песню про» Варяга».
Только с нами наша честь, гордость и отвага.
Будут русских моряков помнить супостаты.
Пусть живёт в глуби веков – есть в стране солдаты!

Алёшенька

Взял Алёшенька тетрадь, да давай в ней малевать.
Что бы с чистого листа не глядела пустота.
Пусть там сказочка живёт, свежий хлебушек жуёт,
Светит искрами огней, и, подарки что б с саней!
Да что б клоуны для всех раздавали чистый смех.
Смех он смеху тоже враг, коль над нами смех-дурак.
И деньгу нарисовал, срисовав монет овал.
И, в придачу, три мешка, что б хранилися пока!
Мерседес и Бумер враз ввёл Алёша в свой гараж.
А при них краса-девица, что бы после пожениться.
А ещё воздвиг завод и солдат, пожалуй, с взвод!
Что б продукцию хранить, а самим её не пить.
Тут закончилась тетрадь, перестал он рисовать.
И глаза давно косят. Было парню пятьдесят!
Всяко жизнь нас всех гребёт, Леша с мамочкой живёт.
Бережёт она дитя, сына сохранить хотя.
Пусть не знает грязный мир. Лёша-мамочкин кумир!

Одноклассники

А мы любили, недолюбили,
Войной накрыло, и нас убили.
Я говорил ей в саду полночном
О деле нашем, простом и срочном.
Бои приходят, война решает,
Боюсь все карты она смешает.
Никто не знает жизнь наперёд,
Когда судьбина с земли сотрет.
Чего и ждать нам, уж лучше вместе,
К чему заботы о девы чести?
Война всё спишет, в пылу Победы,
Уйдут утраты, и сгинут беды.
Коль будем живы, навеки вместе.
Приду я с фронта к своей невесте.
А коли будет не суждено,
Так стукну ветром в твоё окно.
Но, ты сказала, лишь после брака.
Ушла и скрылась средь ночи мрака.
И дом снарядом был твой разбит.
А я под Ржевом войной убит.

Лошадь

Здравствуй, лошадь, как живёшь,
Сколько в день картошки жрёшь?
Как у муженька дела,
Пресловутого Осла?
Ну, а как твой первый муж,
Что в саду объелся груш,
Так что еле не помёр
Этот старый мухомор?
Помню, звали Кенгуру
Эту чёрную дыру.
Как разинет мощный рот,
Так в округе всё сожрёт.
Что, на Родину вернулся,
Австралийцем обернулся?
Вот кого совсем не жаль,
Сволочина был и шваль!
Ну, а ты-то как сама?
Вон, гляди, пришла зима.
У тебя же, как на грех,
Очень уж короткий мех.
Запасла себе сенаж?
Два комаза? Не хрена ж!
Ладно! Дальше побегу,
Всем беседой помогу.

Пусть я Старая Овца,
Режу правду до конца.
Может нашенский народ
Сам поймёт, что он урод!

Мировая первая

Раз под городом Сморгонь батальон наш лез в огонь.
Местность – крышка от стола, невесёлые дела.
Мировая шла война, жизнь как тонкая струна,
Батарей смычок на ней, смертью мерит ноты дней.

Да бродяга – пулемёт продохнуть нам не даёт.
Так и косит, так и косит, разрешения не просит.
Ну, не любит, знать, людей, смертный варит свой кондей.
Цепь за цепью вниз кладёт, ждёт, когда конец придёт.

Казаки рванули в лаву, рубят немцев нам на славу.
Кони рады, фронтом вскачь, будет немок горя плачь.
Да и в собственном тылу трупы вон как ствол к стволу.
Наши, ихние ли вдовы, вот к такому ли готовы?

Не придут с войны мужья, и с сиротами семья.
Тяжела их будет доля, не вернулись батьки с поля.
Матери одной тянуть, на работе спину гнуть.
И разор тут, и сором, коль на лавке всемером!

А война своё берёт, вона, прапорщик орёт.
Свиристелит в свой свисток, крут наш взводный
и жесток.
Побегим опять в атаку, я ему подсыплю маку.

Стрельну сзади, получи, впредь уткнись и не бурчи.

Ишь, какой Аника-воин. Огребил, чего достоин.

Но и он имеет мать, значит, мне ей жизнь ломать?

Добивать, осиротить, всей судьбой её крутить?

Нет! Не буду я стрелять! Эх, житуха наша, ****ь!

Егерь

Всякий знает, пробуй лезть, что б без мыла в жопу влезть.
Угодишь ты в цель легко, пух не тратя в молоко.
Поражая лишь в зачёт, так и сказочка речёт.
В старом русском государстве хрен один сидел
на царстве.
Не в колоду, и не в пень строил царь рабочий день.
То на мух идёт охота, то ещё случится что-то.
Иль охотятся на эхо, усыываясь от смеха.
Плавню перейдя потом в смехуёчки над котом.
Быстренько его отловят, колокольчик приноровят
Прямо к котину хвосту, и собак с цепей: Ату!
Время нелегко убить, так давай бояр гнобить.
Скинут с бедного портки, стёгна мощны и тяжки,
Принесут яиц корзинку и сажают в серединку,
Заклучая свой парей на таких богатырей.
Яйца яйцами разбей на глазах у всех курей!
Всё в разрухе в этом царстве, ну а царь живёт в гусарстве,
Лихо делает кундштуки, и при этом руки в брюки
Где-то там, на отвороте, паренёк служил в охоте.
Старшим егерем, аль кем, точно я сейчас не вем.
Лук и стрелы он носил и старался свыше сил,
Пополняя царский стол не один порвал постол,
По болотам и лесам, часто голодая сам.
Раз нашёл в лесу избушку, в ней столетнюю старушку,

Что его встречала мило, обогрела, накормила,
После баньки огневой и водяры с трынью травой.
Парень ей чем мог помог, огород поставил в срок,
Нарубил дровец на зиму, рыбки наловил корзину,
Настрелял утей, гусей, парень был не рукосей!
Пол в избушечке поправил, действовал без всяких правил,

По велению души, и – ни слова про гроши!
Вот пришёл прощаться срок, бабка говорит: Сынок!
Я хочу тебе помочь, жизнь твоя – как чёрна ночь.
Нет ни щелки для дыхания, не судьба, сплошное лихо.
Отправляйся ты к царю, я ж тебя благодарю
И помочь тебе хочу, знай, что я судьбой верчу.
Вас махну с царём не глядя, сам Кашей родной мой дядя!
Ты ж, вернувшись, не дрожи, лестью враз приворожи.
Пусть несносный человек изживёт свой глупый век!
Егерь наш к царю стучится, объявляет, что девица
Во дворце в лесу живёт, и милого в гости ждёт.
Щёчки девицы румяны, денег полные карманы,
А красива так сама, лешевьё свела с ума.
Вот, просила передать, да ответец будет ждать.
А в письме и объясняет, слава по миру летает,
Всё про батюшку-царя, среди всех – богатыря!
Нету лучше и честнее, первый, после Моисея,
Яйца – чистый изумруд, если люди тут не врут!
И пригож он и умён, ум в науки устремлён,
И в войне неодолим, славен мужеством своим.
Сердце девичье играет и милого выбирает.
Ждёт она к себе царя, вся желанием горя.

Царь как кочет встрепенулся, огляделся, улыбнулся,
Не теряясь с трона слез, на коня и прямо в лес.
Только и успел сказать, передай, сестре дерзать!
Править царством за меня и, братана не виня,
Туго в дело не вникать, ну, а мне пора скакать!
Егерь отыскал сестру, видит, девка по-нутру.
Искра мигом пробежала, тут царевна задрожала,
Прахом пусть идут дела, парню сердце отдала.
Ну, и прочее в придачу, и, за хвост ловя удачу,
Быстро с милым под венец, а царю пришёл ****ец!
Сгинул в леса канители, говорили, волки съели.
Парень нонче царь в стране, друг народу, муж жене.
Никого не угнетает, в мыслях в небо не взлетает.
День прошёл, и Слава Богу, указавшему дорогу,
Без болезней, горя, бед. Вам от сказочки – привет!
Беды что бы мимо кассы, и здоровы были б массы!

Всем господам читающим выражаю моё глубоко личное
и основательное сомнение.

То ли вы читаете, друзья мои? Смею рекомендовать для
прочтения на ночь следующий текст: «Роль частной соб-
ственности в процессе превращения обезьяны в человека.»
Кажется Энгельс. Прошу извинить за слабую работу с источ-
ником!

Пускай из искры возгорится, и прогорит, и засорится!
М. Буканов.

В музее

Плосковатые фигурки! Мир задушенных теней,
Брякнул вышедший из «дурки» Саня, обнимаясь с ней!
Дело было на Волхонке, там где Босх и фараон.
Саня лёг на нижней шконке, что б подальше от окон.

Там, в приятном полумраке, отдыхала голова,
С галоперидолом в драке позабывшая слова.
Кто придумал это зелье – нехороший человек,
Враз лишил людей веселья, может даже и на век!

Саня видел Кондотьера и Давидовы мудя.
Додик, скажем для примера, бдел, елдою шурудя.
Кто такое разрешает, и куда смотрела власть?
Вон, стоит, не поспешает, Голиафу сделав шмазь!

А лежать-то как удобно, вроде баба рядом тут.
Пусть костлява и не сдобна, после дурки это муть.
Заведу я разговоры, после и к делам могу,
Мир худой милее ссоры, быстро искорку зажгу.

Речь толкает про искусство Саня как искусствовед,
Между делом, вплёл про чувства, избавление от бед.
Уговаривал отдаться и от страсти весь дрожал.
Та не стала и бодаться. Саня с мумией лежал.

Товарищу Гору Ал! Альберт, Адольф, Александр?

На фоне старого «Провала» бригада нищих дурковала.
Известный всей стране сюжет, готов смотреть – купи билет!

Как можно денюшку не брать, когда народа прётся рать?
Все средства, что собрали мы, ещё до нонешней зимы,
Поступать в руки комитета, «Провала» укрепитсЯ смета.
И укрепитсЯ сам провал, что б дальше трещин не давал!
А там, глядишь, и вся планета. Так наполняйсЯ наша смета.

Потом купили колбасу и в путь, топча дорог росу!

Внемли! Послушай! Оглянись! Зелёный газ всё рветсЯ
в высь.

Температуры поднялись, полярный к нам крадётся лис!
Под шапкой грязных облаков все пропадём, без дураков.
От этой углекислоты на берег бросились киты.

Баранов и людей падёж, жить страшно, просто
невтерпёж.

Грядут чума, вулканов взрыв, нам не сдержать шальной
порыв.

Народ! Послушайте меня, я всех спасу из под огня.

Я знаю путь, я вижу сдвиги. Мои скорей читайте книги.
Я, кстати, Нобеля призёр, но не об этом разговор.

Мне страсти низкие все чужды, народа ясно вижу нужды.

Был парень нищий журналист, в карманах только ветра свист.

Потом стал вице-президент, уже фигура, на момент.

Ну, а потом, поймав струю, в миллионеров вплыл семью.

Ну, так чего не дурковать, коль можно глупых фаловать?

В Америке, меж тем, мороз, снега лежат по самый нос,

И не слышать о потепленьи, о коем Гор до нас донёс!

Змеюка двуполая

Была она стара как мир, одним укор, другим кумир.
Жила у жизни на краю, под старой яблоней в Раю.
Неважно, перья или меха, далёк от всякого греха
Любой, окутанный нирваной, питался лишь небесной
манной.

Нам каждый друг без всяких виз – такой у Рая был девиз.
Адам и Ева жили прежде в довольстве полном и надежде,
Ловили бабочек в саду, купались в маленьком пруду,
Нектар ладонями и в рот, да вот случился поворот.
В саду том дерево росло, и их как чёртом нанесло.
Табличку быстро прочитали, перепугались и встали.
Плодов сих никто не тронь, сожжёт небесный мой огонь,
Господь велик. Аллах рахим. И подпись: Яхве Элогим!
И тут же, как гласит молва, змеи поднялась голова.
Давно Господь уж мне пенял, что надпись эту я не снял.
Плоды отведай без смятенья, тут изменилась точка
зренья!

Адам как мог сопротивлялся, а Ева в рёв, Адам и сдался.
И не беременна ведь дура, прорвалась бабская натура.
Хочу и всё, ты тоже ешь, вкус дивен, сладостен и свеж.
Немного тех плодов поели, друг друга быстро обозрели,
И видят, в каждом для услад есть лиходеимный аппарат.
Предались быстренько греху на мягком райском
дивном мху.

Потом придумали одежды и сон уставших смежил вежды.
Господь, всё зная наперёд, немного попугал народ,
Введя понятие греха, на что змеюк сказал ха-ха!
Ты сам придумал этот мир, где Бог естественный кумир.
Так пустим всё на самотёк, а там, глядишь и грянет срок,
Когда сквозь пропасти и мели сам человек дойдёт
до цели.

А мы останемся с тобой в тумане дымки голубой,
Дай только людям выбор доли, покоя вкус и славу воли.
Пуškai решает каждый сам, он человек, иль мира хлам.
Свобода выбора сложна, но с каждым быть она должна!
Дерзай, иль на коленях стой – свобода выбора с тобой!

Вечерами

Долог зимний вечерок, на вине давно зарок,
Мысли чёрные летают, словно сказочный Нушрок!
Рвать с концами всё на раз был по-жизни я горазд.
Сам себя считая правым, шёл на принцип как Камаз.

Я сейчас вернул бы дни, что безумию сродни.
Кол осиновый мы вбили, хоть вини, хоть не вини.
Вот, мол, крест, себя распни, вместо чувств гнилые пни.
Лучше сразу разбежаться, чем ловить концы мотни!

Ну, кого теперь винить, как сошьёшь в едино нить?
Что разрезано навечно, людям не соединить.
Может встретимся потом, пред небесным мы постом,
Где нас делят на две части, кто с крестом, а кто с хвостом!

Поживи и умирай, попадёшь ты прямо в Рай,
Мне туда попасть не светит, так что ты не обмирай.
Я в Аду отбуду срок, поменяется мой рок,
Плюс на минуט перекину, может быть и будет прок.

Тихим утром, получай, я к тебе приду, встречай!
Мы и слова не оброним, прямо в койку невзначай!
К маме райской все слова, нашей жизни полова.
Чувства-это где то в сердце. На хрена нам голова?

Объективная реальность

Один обычный человечек набрался всяческих словечек.
И не сказать, что б много пил, он просто говорить любил.
Ловил лихие новостя, интерпретации поста.
Не вылезал из интернета, такая, видимо, планета!

Чугункин Клим был прям и прост, не есть – вот это значит пост.

К чему компьютер, коли пьём? Стаканом счастье куём!
Зато кулак у парня был – дюймовый гвоздь в доску гнобил.

Легко сгибал железный лом, а на медведя шёл с колом.

И вот в столовой как-то в среду явились оба-два к обеду.
Сидят, чего-то там едят, на прочих вовсе не глядят.
Тут достаёт бутылку Клим и предлагает выпить с ним.
Упруго ставит два стакана, и слышит вдруг: Для водки рано!

В такую рань, такую дрянь, пить может уличная срань,
А я в Универе учился, ни разу в жизни не напился.
Такому вот как ты гандону, придётся запросить пاردону.
Когда работают посылы, придут в кураж лихие силы.

Тебя ославлю в интернете, по всей немаленькой планете.

Дано мне людям объяснять, что честь труда нельзя ронять.

Чугункин разом тут взорвался, ну, и с плеча кулак сорвался.

И биться сердце перестало, мне жаль, но блогера не стало!

Убог и строг реальный мир, очнись компьютерный кумир.

Когда свои рисуешь жабы, подумай раз о кабы-кабы...

Кровать и тёпленький сортир в уславе дорогих квартир

Ещё не весь в стране реал, а ты, как жертва, идеал!

Выбор

Браты украинцы, дерзайте, свободы дерево сажайте,
Сегодня киевский майдан от свежей крови рьян и пьян.
Ушёл диктатора оплот, где «Беркут»? Чёрт их разберёт.
Не зря скрежещете зубами, пришёл черёд игры
с гробами!

«Свобода» на тропе войны, идут Галиции сыны,
А киевляне сдуру рады, защиты нет у Властной Рады.
Когда в квартиры к вам придёт восставший трудовой
народ,
Что бы буржуев изгонять, куда вы будете литься?

Вы братья нам, а им враги, взгляните в первые шаги,
И москали вы и евреи, зачем под нож кладёте шеи?
Или придёт презренный лях, когда в стране настанет
швах?
Иль под Полтавой швед опять свою сосредоточит рать?

Словами вас не убедить, желаете ежа родить,
Ну, и конечно, поперёк, любой укор вам не в упрёк.
Сейчас из Запада кулис, крадётся к вам полярный лис.
Звучат его аплодисменты, ловите счастья моменты!

Первое свидание

В миг сладостный дитя зачатъя, ты, милый, кончив,
захрапел.

Я вся в порыве и без платья лежала, ну, а ты сопел!
Всё это было на скамейке в уснувшем городском саду.
Да! Нравы дикие в семейке, куда сегодня я войду.

Твои маманя и папаня как видно из простых сермяг.
Когда б не два стакана, Саня, я не дала б тебе, хомяк.
Зачем бутылку только водки я на свидание взяла?
Ведь зареклась же после ходки скакать под первого козла!

И это всё, что ты умеешь? Меня мечтаешь удивить?
Коль секса техникой владеешь, инстинкты надо подавить.
Ты обиходуй свою даму, устрой в алмазах ей финал.
А ты из ебли сделал драму, зря только ручками шманал.

Я здесь, и я горю и тлею, хотелки уголь не угас,
А он всё шепчет, сожалею, и слёзы катятся из глаз.
Суёт мне деньги, образина, набрав в карманах сколько
смог.
И шепчет: извините, Зина, взяла, с таких хоть шерсти
клок!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.